

2. Ю-1977 – Юрчанка Г. Ф. Слова за слова (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977. – 272 с.
3. Мізін, К. І. Німецько-український фразеологічний словник (усталені порівняння) / К. І. Мізін. – Вінниця : Нова книга, 2005. – 304 с.
4. ТСБМ-1984 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5-ці т. Т. 5. Кн. 2 : У – Я / [Рэд. тома М. Р. Суднік]. – Мінск : Выд-ва Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1984. – 608 с.
5. Селіванова, О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О. Селіванова. – К., Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРЯМОГО И КОСВЕННОГО ВЛИЯНИЯ НОМИНАЦИЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ НА ЛЕКСИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

А. О. Маковский (Минск, Беларусь)

Тесное и длительное взаимодействие восточнославянских этносов (русского и белорусского) с западными странами, в том числе с Италией, способствовало активному взаимовлиянию лексических систем этих народов. Первые русско-итальянские контакты берут начало ещё в XIV в [1, с. 77] и продолжают по настоящий момент. Результатом стало пополнение систем русского языка и соседнего белорусского итальянскими лексическими заимствованиями, которые, осваиваясь в языках-реципиентах, включаются в синтагматические и парадигматические отношения наравне с исконной лексикой [2, с. 96].

При этом можно выделить два вида влияния иноязычной лексики на систему языка-реципиента: прямое и косвенное. Прямое представляет собой случаи непосредственного участия иностранного языка в создании заимствуемой номинативной единицы. К этому типу относятся как случаи непосредственного заимствования (из языка-донора), так и опосредованного (через промежуточный язык-посредник).

Косвенное включает в себя два подтипа. Первый предполагает выполнение иностранным языком роли посредника в процессе заимствования, когда сама номинация создаётся в другом языке, но в процессе заимствования преломляется через систему языка-посредника, освоение в котором может оказывать влияние на формальные показатели такой лексики (изменение флексии, ударения и др.). Второй подтип косвенного влияния связан с выполнением иностранным языком роли производящей базы (языка-этимона) при образовании дериватов в рамках других языков. При этом сами производные, являясь продуктом культуры языка деривации, сохраняют иноязычный этимологический компонент как часть культуры языка-этимона.

Определение соотношения и характера прямого и косвенного влияния итальянского языка на лексическую систему русского и белорусского языков является необходимой предпосылкой для понимания развития систем данных языков в условиях межнациональных контактов.

Исследование базируется на корпусе лексем итальянской этимологии, отобранных из русских и белорусских лексикографических источников: «Беларуска-рускага тлумачальнага слоўніка новых слоў і новых значэнняў слоў» В. И. Уласевич и Н. М. Довгулевич [3], «Слоўніка іншамоўных слоў» А. М. Булько [4], «Словаря иностранных слов современного русского языка» Т. В. Егоровой [5]. Несовпадения в составе русского и белорусского корпусов, вызванные индивидуальными особенностями основных лексикографических источников, компенсировались посредством дополнения материала данными лексикографических

интернет-порталов «lexicography.online», «academic.ru», «verbum.by», а также национальных корпусов текстов русского и белорусского языков.

Количество лексем итальянской этимологии в русском языке составило 481, в белорусском – 472. Согласно данным толкового белорусско-русского словаря В. И. Уласевич, Н. М. Довгулевич, 34 русских и белорусских лексем (7 %) были заимствованы в период с конца XX–XXI в. Соответственно можно констатировать значительное снижение количества заимствований из итальянского языка на современном этапе.

Большая часть зарегистрированных слов итальянской этимологии образована непосредственно в итальянском языке. В русском языке выделено 362 такие единицы, в белорусском – 357, что составляет около 74 % от общего количества исследуемых лексем.

Из них 251 русская лексема заимствована непосредственно из итальянского: аббревиатура (ит. *abbreviatura*, от лат. *brevis* ‘краткий’), авизо (ит. *avviso*, от франц. *avis* ‘мнение; совет’); адажио (ит. *adagio* буквально медленно, тихо); аллегро (ит. *allegro* ‘весело’); альпари (ит. *al pari* ‘наравне’); аппассионато (ит. *appassionato* ‘страстно’); автострада (ит. *autostrada*, от *auto(mobile)* ‘автомобиль’ + *strada* ‘улица’) и др. [5]. Имеются также случаи спорной этимологии. Так, номинация торс ‘туловище человека’, согласно словарю М. Фасмера, могла быть заимствована как из итальянского *torso*, так и из французского *torse*, которые восходят к греческому *θύρσος* ‘побег, ветка’ [6].

Соответствующая лексика белорусского языка (245) заимствовалась в основном через русское и польское посредничество. Примерами русского посредничества являются номинации арыя, малярыя, мецца-сапрана, мецца-тынта, мiнор, памiдор, тэмп, и др. Через польский язык заимствованы лексемы макароны, мiнiяцюра, ратонда, тарантэла. Причём часто точное установление языка-посредника невозможно по причине вероятности нескольких путей заимствования (вила, ронда) [7]. Однако большая часть лексики, заимствованной до XVIII в., склонна к польскому посредничеству, после XVIII в. итальянизмы заимствовались преимущественно через русский. Преобладание русского посредничества во многом определяет формальную и количественную схожесть заимствований в белорусском и русском языках.

Выделенные нами итальянизмы достаточно активно заимствовались через посредничество других европейских языков. Было зарегистрировано 116 таких лексем в русском и 117 – в белорусском языке: акварель / акварэль (через франц. *aquarelle*, ням. *Aquarell* из ит. *acquerello* от лат. *aqua* ‘вода’); балет / балет (через франц. *ballet* из ит. *balletto* от *ballare* танцевать); балкон / балкон (через франц. *balcon* из ит. *balcone* от древненем. *balko* балка); бандероль / бандэроль (через франц. *banderole* из ит. *banderuola* от *bandiera* ‘флаг, знамя’) и др. [Егорова].

Итальянский язык выступает также в роли посредника процессов лексического заимствования в русский и белорусский языки. Причём итальянское посредничество характерно для заимствований ранних периодов (до XVIII в.). Было установлено 16 таких случаев в русском и белорусском языках (3 %): амазонка / амазонка (через польск. *amazonka* из исп. *amazona*, ит. *amazzone*, от греч. *amazon* ‘не имеющая груди’); баул / баул (через ит. *baule* от тюрк. *baul*); бора / бора (через ит. *bora* от греч. *boreas* ‘северный ветер’); грот / грот (через франц. *grotte* из ит. *grotta* из лат. *crypta* ‘подземелье’); палаццо / палаццо (через ит. *palazzo* из лат. *palatium* ‘дворец’) и др. [5].

Отдельную группу слов итальянской этимологии представляют собой производные единицы, образованные от итальянских лексем и морфем в рамках других языков. Всего выделено 103 таких единицы в русском языке и 99 в белорусском (около 23 % от общего количества номинаций). Примерами таких лексем являются шоу-балет / шоу-балет (в рус. от англ. *show* + франц. *ballet* балет из ит. *balletto*); джакузи / джакузі (в англ. от ит. фамилии ит. *Jacuzzi*); картридж / картрыдж (в англ. *cartridge* ‘касета’ от фр. *cartouche* ‘патронташ’, от ит. *cartoccio* ‘кулёк’); мафиозность / мафіёзнасць (в рус. от ит. *mafia*) и др. [3].

Дериваты могут заимствоваться вместе со своими производящими базами, а также другими однокоренными производными, формируя в русском и белорусском языках межъязыко-

вые словообразовательные пары и гнезда. Помимо этого, деривационные пары и гнезда могут образовываться от заимствованных лексем в рамках самих языков-реципиентов.

Всего в русском и белорусском нами выделено 83 таких межъязыковых деривата. Больше половины из них заимствовано из итальянского (46 единиц, 55 %): конто / конта (ит. conto) – а-конто / а-конта (ит. a conto), ностро-конто / ностра-конта (ит. nostro conto); концерт / канцэрт (ит. concerto) – концертино / канцерціна (ит. concertino, от concerto) и др. [5].

В других европейских языках образовано 13 единиц (16 %): пилот / пілот (ит. pilota) – автотопилот / аўтапілот (англ. autopilot от гр. autos = сам + pilot через франц. pillote от ит. pilota); бригантина / брыганціна (ит. brigantino, от brigante ‘разбойник’) – бриг / брыг (англ. brig, от ит. brigantino) и др.

В рамках русского / белорусского языков образовано 24 деривата (29 %): балет / балет (франц. ballet, от ит. balletto от ballo ‘бал’) – шоу-балет / шоу-балет (англ. show + франц. ballet от ит. balletto); опера / опера (ит. opera) – оперный / оперны (от ит. opera); мафия / мафія (ит. mafia) – мафиозность / мафіёзнасць (от ит. mafia) и др. [3, 5]. Таким образом, количество дериватов, образованных в рамках русского и белорусского языков, примерно вдвое уступает количеству заимствованных в готовом виде итальянских дериватов, что является свидетельством достаточно малого участия русского и белорусского языков в словообразовательных процессах такой лексики.

Зарегистрированные дериваты, образованные от итальянизмов, объединяются в 17 деривационных гнезд и 36 деривационных пар. Такие деривационные гнезда не отличаются крупным объёмом, который в среднем составляет 4 единицы. Наиболее развитым является деривационное гнездо, образованное от имени итальянского учёного Луиджи Гальвани. Это гнездо включает в себя всего 6 производных: гальванизация / гальванізацыя, гальвано-акустика / гальванаакустыка, гальванометр / гальванометр, гальванопластика / гальванапластыка, гальваноскоп / гальванаскоп, гальванотаксис / гальванатаксіс. Данное гнездо имеет мультиязычный характер, объединяя в себе заимствованные итальянские дериваты (гальванизация, от ит. galvanizzazione), производные, образованные в английском (гальванометр, от англ. galvanometer; гальваноскоп, от англ. galvanoscope; гальванотаксис, от англ. galvanotaxis) и в русском языке (гальванопластика – термин введён рус. учёным Б. С. Якоби). Следующим по объёму является гнездо с вершиной рельеф / рэльеф (5 единиц). Остальные гнезда менее развиты (4 единицы и менее).

Низкая деривационная активность итальянизмов может являться следствием неразвитости коммуникативной актуальности лексики итальянского происхождения, а также терминологическим характером многих таких номинаций, который предполагает их функционирование в рамках узкоспециализированных терминосистем.

Таким образом итальянский язык оказывает комплексное влияние на лексические системы русского и белорусского языков. Прямое воздействие итальянского языка на русский и белорусский (74 %) более представлено чем косвенное (26 %). В рамках косвенного типа итальянский язык более продуктивно выполняет роль языка-этимона (23 %), чем роль посредника в процессе заимствования (3 %).

Причиной более низких показателей косвенного влияния может являться вторичный характер такого вида воздействия по отношению к прямому. Лексические заимствования могут проникать в язык в результате единичных контактов этносов. Косвенное воздействие устанавливается на основе уже сформированных отношений прямого влияния как результата устойчивых языковых контактов между странами. В случае итальяно-русских и итальяно-белорусских языковых связей в настоящий момент наблюдается снижение количества итальянских заимствований, что препятствует установлению достаточно прочных языковых отношений для развития косвенного влияния.

Библиографічны спісак

1. Щербач, И. М. Итальянская лексика в русском языке XII–XVII вв.: исторические условия языкового контактирования / И. М. Щербач // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – Мінск: БДУ. – 2005. – № 1. – С. 76 – 80.
2. Маринова, Е. В. Особенности формирования новых словообразовательных гнезд в современном русском языке / Е. В. Маринова // Проблемы языковой нормы. Тезисы докладов международной конференции «Седьмые Шмелевские чтения». М., 2006.
3. Беларуская-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск : Аверсэв, 2013. – 253 с.
4. Слоўнік іншамойных слоў. Актуальная лексіка / А. М. Булыка. – Мінск : Харвест, 2005. – 336 с.
5. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т. В. Егорова. – Москва : Аделант, 2014. – 800 с.
6. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> – Дата доступа 10.04.2023
7. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы (1978–2017) [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <https://verbum.by/esbm> – Дата доступу 02.04.2023.

МЕДЫЯТЭКСТ ЯК ГЛАБАЛЬНЫ КУЛЬТУРНЫ ФЕНОМЕН

Ю. В. Малицкі (Мінск, Беларусь)

Канчатковае складванне глабальнай сістэмы медыя, карэннае пераўтварэнне спосабаў фарміравання і рэалізацыі медыйнага кантэнту ў сувязі з інтэнсіўным развіццём тэхналогій, лавінападобнае пашырэнне і адначасова сегментацыя аўдыторыі спажываўцоў інфармацыйнага прадукту за кошт даступнасці сродкаў лічбавай сувязі – фактары, якія дазволілі даследчыкам гаварыць аб тым, што прастора масавай камунікацыі ў апошнія два дзесяцігоддзі стала адной са сфер найбольш актыўнага выкарыстання маўлення.

Шырокая распаўсюджанасць і даступнасць высокатэхналагічных прылад камунікацыі істотна спрасцілі працэсы спажывання інфармацыі і абмену ёй. Мы маем на ўвазе не толькі пашырэнне арсенала сродкаў перадачы паведамленняў на адлегласці, але і ўзросшыя магчымасці перакладу тэксту з адной мовы на іншую, магчымасць перадачы мультымедычных паведамленняў і інш.

Медыятэкст (медыйны, публіцыстычны, журналісцкі тэкст) гістарычна сфарміраваўся як своеасаблівы від тэкставых адзінак, сфера і акалічнасці функцыянавання якога вызначаюцца наяўным на дадзены момант узроўнем тэхніка-тэхналагічнага развіцця сродкаў фіксацыі і перадачы інфармацыі. Спачатку гэта былі пісьмовыя прылады, пазней – друкарскія станкі, сродкі фатаграфіі, радыё, тэлебачання і г. д. Такім чынам фарміруюцца як асобныя тэксты, так і інфармацыйная плынь увогуле. Пры гэтым медыяплынь і медыятэкст “як дыскрэтная адзінка медыяплыні” [1, с. 152] знаходзяцца ў спецыфічных зместавых узаемаадносінах. Медыяплынь выступае ў якасці інфармацыйнага фону, неабходнага для адэкватнай інтэрпрэтацыі сэнсу кожнага яго складніка – канкрэтнага медыяпаведамлення любой жанрава-тэматычнай накіраванасці. І ў той самы час семантыка-кагнітыўныя і прагматычныя рысы кожнага медыйнага тэксту складваюць агульную інфармацыйную карціну свету, фарміруючы так званы глабальны тэкст (паводле тэрміналогіі Ю. У. Раждзественскага).

Асобныя даследчыкі выказваюць радыкальныя погляды, супрацьпастаўляючы медыятэкст як з’яву новай эпохі класічнаму тэксту. Фактычна, медыятэкст кваліфікуецца імі як ан-